

МАРИНА СЕРОВА

Веселая вдова

Сериал
"Частный детектив Татьяна Иванова"

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Твои дни сочтены

«Научная книга»

2010

Серова М. С.

Твои дни сочтены / М. С. Серова — «Научная книга»,
2010 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Детективная повесть из сборника «Веселая вдова».

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	7
ГЛАВА ВТОРАЯ	19
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Марина Серова

Твои дни сочтены

ПРОЛОГ

Весенняя погода способствует хорошему настроению. Тем более если она характеризуется ярким солнечным светом, набуханием почек на деревьях и ласковым теплым ветерком.

Вот и у молодого человека, который шел по улице от рынка в сторону консерватории, настроение в этот апрельский день было приподнятым.

Он был довольно хорошо сложен, плечист и по-мужски красив, и глаза встречающих прохожих, особенно девушек и женщин, выделяли его из толпы. Не в последнюю очередь потому, что ему удивительно шла летная форма. К тому же в молодом человеке чувствовалась уверенность в себе, что весьма важно для первоначального восприятия.

Молодой человек шел, не обращая внимания ни на встречающих женщин, ни на звонкие ручьи, в которых весело плясали солнечные зайчики. Он спешил домой, где его ждала любимая девушка: они еще два дня назад должны были подать заявление в загс, но нелетная погода задержала его в Берлине.

Вдруг молодому человеку бросились в глаза роскошные розы, которые продавала пожилая женщина. Он остановился рядом с цветами и впервые в жизни посетовал на свое безденежье. Однако любовь требовала жертв, и он решился.

– Одну розу, пожалуйста, – попросил летчик, протянув женщине почти все свои наличные деньги.

Выбрав самый лучший цветок, он отправился дальше, мысленно пообещав любимой когда-нибудь бросить к ее ногам огромный букет алых роз.

Добравшись наконец до квартиры, где его ждали, летчик нетерпеливо нажал кнопку звонка. Дверь, однако, никто не открыл. Он позвонил еще раз, но результат тот же – тишина.

«Наверное, ушла в институт», – с легким разочарованием подумал молодой человек, доставая ключи из кармана летной куртки. На всякий случай позвонил еще раз, долго и протяжно.

Тут в коридор выглянула пожилая соседка:

– Это ты, Елисей? Здравствуй, дорогой.

– Здравствуйте, Галина Дмитриевна, – доброжелательно ответил молодой человек, уже открывая ключом квартиру.

– Нет дома Олесеньки? – спросила участливо соседка.

– Нет, – согласился Елисей.

– Наверное, в институт ушла или в магазин, – высказала свои предположения Галина Дмитриевна.

– Наверное, – хмуро поддакнул летчик, поворачивая ключ.

Соседка, видимо, рассчитывала на продолжение общения, но Елисею оказалось не до нее: он досадовал, что Олеси нет дома, и не был настроен говорить о всяких пустяках впредь с морализаторством, на что горазды представители старшего поколения, в частности, многоуважаемая Галина Дмитриевна.

Когда он вошел в квартиру, на него повеяло холодом. Несмотря на то что было начало весны, температура повысилась не настолько, чтобы позволять уличному ветру гулять по квартире.

«Ну, Олеся! – покачал головой летчик. – Опять ушла, забыв закрыть балконную дверь!»

Он прошел в гостиную и неожиданно увидел Олесю – она тихо лежала на диване, накрывшись одеялом.

Елисеем овладела неясная тревога, которая, однако, была весьма оправдана: от трезвона, который он поднял, проснулся бы и мертвый. Летчик осторожно наклонился над своей любимой и... выронил розу из рук.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вот угораздило же меня заболеть в такое чудесное время! Середина весны, апрель, один из моих самых любимых месяцев в году! А все из-за того, что в наших квартирах не отключили отопление. Весна, надо отметить, пришла рано, погода за окном уже стала совсем теплой, а батареи жарили и жарили, дожидаясь официального срока отключения, который можно бы в такой ситуации и приблизить. Словно коммунальщики пытались заранее, авансом, так сказать, наверстать вынужденный финансовый простой на несколько месяцев.

В квартире стояла такая жара, что приходилось открывать не форточки, а полностью окошко и даже балконную дверь: только тогда становилось легче дышать. Сплит-система, конечно, работала, но она лишь снижала температуру в комнате, а от духоты не избавляла. Приходилось держать все настежь. Ну а компьютерный стол мой стоит как раз рядом с окном, напротив балкона, и именно за ним я просиживала по несколько часов, не обращая внимания на сквозняк и радуясь безделью, поскольку совсем недавно завершила два дела подряд.

Я люблю период ничегонеделанья не меньше, чем время расследований, погонь, драк и даже перестрелок. С чистой совестью можно заниматься всякой ерундой, и никто тебе слова не скажет. Собственно, мне и так никто бы не сказал ни слова, поскольку я сама себе хозяйка, но вот внутренняя моя сущность начинала меня упрекать, если я слишком долго бью баклуши. На этот же раз я отдыхала всего два дня, и было мне хорошо и чудесно как в душевном, так и физическом плане ровно до того момента, как у меня засвербело в носу и запершило в горле...

Сначала я понадеялась, что это ерунда, мелочи, обычная легкая простуда, которая быстро пройдет сама собой. Для профилактики приняла ударную дозу дорогих импортных витаминов. Однако к вечеру мое состояние не только не улучшилось, но усугубилось: из носа текло непрерывно, потом он распух и перестал дышать, а горло разболелось настолько, что невозможно было проглотить не то что кусок пищи, а даже глоток воды. Ко всему прочему, поднялась температура и накатила общая слабость.

Делать было нечего, и, вздохнув, я на следующее утро вызвала врача, который вынес безжалостный вердикт – ангина, прописал антибиотики, микстуры и капли. А также запретил выходить из дома в течение, по крайней мере, недели. Кроме того, мне был строго-настрого запрещен мой любимый апельсиновый сок, поскольку он содержит кислоту и раздражает и без того воспаленную слизистую.

Уныло потягивая минералку без газа и периодически попивая противную на вкус микстуру, я уже пять дней лежала дома и с тоской поглядывала в окно. Ничего не делать порядком поднадоело, хотелось встать и хотя бы пройтись прогуляться, напиться свое тело весенними солнечными лучами. А еще – поработать. Звучит фантастически? Ну, кому как. Я люблю свою работу. Обидно, что из-за ангины я вынуждена отказаться от трех заказов на расследования, два из которых показались мне довольно любопытными. Но сил, чтобы добросовестно их отработать, не было, а я привыкла трудиться качественно и с полной отдачей.

«Еще один день прошел зря», – грустно констатировала я, выключая свет и проваливаясь в сон.

Все следующее утро я провалялась дома на диване, смотря телевизор и попивая крепкий чай с брусничным джемом, который отыскался в моем холодильнике. Чувствовала я себя, надо заметить, гораздо лучше. Горло уже не болело, нос тоже дышал свободно, а организм требовал пищи: главное свидетельство того, что дело пошло на поправку.

Несмотря на положительные изменения, я чувствовала, что нужно отлежаться еще день.

Я была дома одна. Это, в сущности, естественно – с кем мне быть? Погода, кстати, испортилась – за окном накрапывал скучный дождик. Можно сказать, осенний. Хотя за окном царила

весна, по настроению этот дождик был явно осенним, поскольку, как мне казалось, вокруг царила скука.

Телефонный звонок прозвучал резким диссонансом моему настроению.

– Слушаю вас, – сказала я, нажав на трубке кнопку и мельком поглядывая на экран включенного телевизора.

– Татьяна Александровна, здравствуйте, – отвечал мужской голос, показавшийся мне незнакомым.

– Здравствуй, – немного растерянно сказала я.

– Вы меня, может быть, уже и не помните. Это вас беспокоит Привольнов Алексей... – собеседник в трубке откашлялся.

– Ну, почему же не помню? – слегка улыбнулась я. – Помню.

Алексей Привольнов был младшим братом Григория Привольнова, который, в свою очередь, являлся моим однокурсником в юридической академии, оконченной уже много лет назад. Правда, оканчивали мы ее не в один год: Григорий на третьем курсе женился, окунулся в семейную жизнь, и, видимо, она так увлекла его, что он взял академический отпуск. Потом, правда, вернулся к учебе и даже благополучно окончил, но уже без меня. А до этого мы, можно сказать, дружили и общались довольно плотно, часто ходили друг к другу в гости и вместе отмечали разные праздники и просто удачную сдачу сессии.

Жена Григория, вертлявая хохотушка Вика, училась на параллельном потоке. Словом, семья их была студенческой, веселой, и первое время они частенько устраивали у себя молодежные вечеринки. Потом Вика забеременела, и шумные сборища пришлось прекратить. У Привольновых родилась дочь, и они совсем отделились от друзей юности.

С тех пор мы виделись с Григорием всего-то пару раз, случайно и мельком.

Насколько мне было известно от общих знакомых, с Викторией он развелся после десяти лет брака, дочь их благополучно подрастает, а сам Гришка вопреки выбранной специальности работал не юристом, а владел собственной фирмой по продаже офисной техники.

А вот его младший брат Алексей не изменил профессии. Он окончил все ту же юридическую академию, стал адвокатом и вроде бы довольно успешно работал в какой-то компании. Алексей все же существенно младше меня, мы никогда не состояли в тесных приятельских отношениях, его судьбой я особо не интересовалась.

В студенческие годы на тусовках, проходивших у старшего Привольнова, Алексей, будучи еще совсем школьником, изредка сидел в уголке. Память у меня была хорошей, и сейчас, в момент телефонного разговора, я сразу вспомнила вихрастого, слегка смущенного подростка.

– Вы знаете, у меня к вам дело, – смущенно начал Привольнов. – Я тут заходил к Григорию, он сказал, что вы в некотором роде... Э-э... Ну, как бы это сказать...

– Говори как есть, – отрезала я.

– Словом, я хочу вам заказать одно дело... – выдохнул Алексей.

– Какое дело? – удивилась я.

– Девчонка одна покончила с собой, студентка.

– И что? – растерялась я.

– Я хотел бы, чтобы вы доказали обратное!

– Оба-на! – удивилась я, покачав головой. – Знаешь, Леша, я, должно быть, разочарую тебя, но я занимаюсь несколько другими вещами. То есть мне заказывают расследование, я его честно провожу и в процессе докапываюсь до истины. Только так и никак иначе. Никакой подтасовкой фактов и прочим мошенничеством не занимаюсь. Поэтому, если ваша девочка действительно покончила с собой, я не смогу доказать обратное. И даже не стану пытаться. То же самое и с несчастным случаем: если он имел место, тут уж ничего не поделаешь.

– Да нет же, Татьяна Александровна, вы не поняли! – заговорил горячо Алексей. – Она вовсе не покончила с собой! Она не могла! Поверьте мне, это была хорошая, серьезная, порядочная девушка! С ней случилась трагедия. Я уверен, что ее убили.

Я мысленно вздохнула, а Привольнов тем временем продолжал:

– Очень вас прошу, выслушайте меня при личной встрече! Подъеду куда скажете и когда скажете.

Я снова вздохнула и задумалась. В принципе пора приниматься за работу. Хотелось и развеяться, и, чего душой кривить, деньги тоже не помешали бы. Не люблю, когда у меня нет финансового запаса. Вернее, он, конечно, есть всегда, но это неприкосновенный. Так сказать, крупные вложения. Я всегда люблю иметь на текущие расходы достаточную сумму, чтобы не лазить ни по каким заначкам. К тому же пусть простуда и не прошла окончательно, но все же мне стало гораздо лучше, и завтра я бы уже вполне могла приступить. Да и давнее знакомство с Привольновыми, ностальгические воспоминания юности сыграли свою роль...

– Хорошо, – наконец согласилась я. – Приезжай через час, записывай адрес. – Я продиктовала Алексею свои координаты. – Только имей в виду – ничего гарантировать не могу. Если, выслушав тебя, не найду оснований, чтобы усомниться в версии самоубийства или несчастного случая, я буду вынуждена отказаться от расследования ввиду его нецелесообразности.

– Спасибо, Татьяна Александровна! – обрадованно проговорил Алексей и отключил связь.

– Да не за что, – пожав плечами, сказала я самой себе. – Я же еще ничего не сделала. И неизвестно, стану ли делать.

До прихода Алексея я решила еще немного полежать, чтобы набраться сил. Неизвестно, когда теперь выдастся такая возможность. Вот всегда так: лежишь, бездельничаешь, надоедает, хочется перемен. Но как только они приходят, становится немного жаль...

Алексей Привольнов явился ровно через час после звонка. Он выглядел смущенным и каким-то неуклюжим. Конечно, он возмужал, но внутренне, на мой взгляд, остался таким же неуверенным в себе подростком. Его прежние торчащие вихры теперь были пострижены у хорошего мастера, прилизаны гелем и уложены в современную прическу а-ля западный адвокат. Одет он был в отлично сшитый костюм, но то ли из-за внутренней неуверенности, то ли еще по какой-то причине он сидел на нем мешковато, словно, что называется, с чужого плеча, хотя явно изготовлен на заказ, а не куплен в магазине. Но пронизательный взгляд серых глаз показывал, что он не так прост, как кажется. И вовсе не такой недотепа, как в подростковом возрасте.

Пройдя в гостиную, Алексей поступил по-деловому: не стал тратить время на ритуальные раскланивания, комплименты и треп относительно прошлого. Он опустил в кресло и, соорудив озабоченное и даже, как показалось мне, скорбное лицо, начал:

– В общем, у моего работодателя Милехина Владимира Петровича пятого апреля погибла дочь Олеся. Она была студенткой медицинского института. Пятый курс. Двадцать два года...

– Причина гибели? – спросила я, принимая его деловой тон и поглядывая искоса на календарь – там значилось уже двадцать пятое апреля.

– Отравление наркосодержащим веществом, – ответил Привольнов. – Несчастный случай. Не исключено самоубийство. Такова официальная версия. Никаких улик милиция не обнаружила, дело закрыли.

Я неопределенно кивнула, как бы показывая, что вникаю в суть.

– А что так поздно спохватились? – снова бросила взгляд на календарь.

– Милехин был в шоке. Только недавно взял себя в руки. Да и к тому же все произошло чисто случайно – если бы я не заехал к Гришке и он не напомнил о вас, то, может, все так и заглохло бы.

Тут Привольнов перевел дыхание, после чего решительно заявил:

– Ни я, ни отец Олеси не согласны ни с официальной версией, ни с тем, что следствие прекращено. Ее убили! И мы хотим знать, кто это сделал и почему! Вот я и пришел к вам, Татьяна Александровна.

– Наркосодержащее вещество – это что? В переводе со сленга милицейского протокола на обычный, я имею в виду, – решила уточнить я.

– Героин, – сухо и коротко выстрелил Привольнов.

Я кивнула головой, стараясь ничем не выдать своего отношения к данному обстоятельству. Признаться честно, я не любила заниматься делами такого рода. Любящий родитель не желает верить, что его дитя принимало наркотик. А Привольнов, судя по всему, поддерживает намерения отца покойной только потому, что зависит от него. И я уже подумывала о том, как бы потактичнее отказаться, когда Алексей, видимо, догадавшись о моих сомнениях, вскинул голову и категорично заявил:

– Олеся не была наркоманкой! И с собой она не покончила!.. Если бы она захотела расстаться с жизнью, то непременно оставила бы посмертную записку. Она не убивала себя! Она не смогла бы причинить такое горе отцу! Она была внимательной и заботливой девушкой.

– А ты-то откуда знаешь? – внезапно спросила я.

Привольнов покраснел, замялся и снова опустил голову.

– Она тебе нравилась?

Поскольку Привольнов не отвечал, я поняла, что недалеко от истины.

– Записку, как я поняла, не нашли.

– Не нашли, – подтвердил Привольнов и сглотнул слюну.

Мне вдруг стало немного не по себе – надо же ехидничать в такой ситуации. Может быть, у человека искреннее горе, а я насмехаюсь.

– Кто первым обнаружил тело? – спросила я.

Последовала неожиданно продолжительная пауза, после чего Алексей глухо проговорил:

– Обнаружил Олеся ее ухажер: у него ключи от ее квартиры. Он же вызвал «Скорую» и милицию. Но милиция, как я уже сказал, никаких улик не нашла: ни следов борьбы, ни отпечатков чужих пальцев.

– У кого еще имеются ключи от квартиры? – спросила я, уже выстраивая в голове треугольник Неизвестный Ухажер – Привольнов – Олеся.

– У самого Милехина, у Олеси и... – Привольнов вздохнул. – И ее парня.

– Значит, всего было три комплекта?

– Выходит, что так.

– А кому принадлежит квартира?

– Самой Олеся. Ей отец подарил, как только дочь перешла на пятый курс. Оформил документы... Олеся стала жить там с осени – то есть полгода как.

– Понятно.

– Вообще, я думаю, что это дело рук ухажера, – мрачно проговорил Привольнов и нахмурился. – И хочу, чтобы он был изобличен.

– А почему такая уверенность?

– Олеся в последнее время жаловалась отцу на напряженность в отношениях.

– Ну и что? – возразила я. – Это что, мотив для убийства?

Привольнов насупил брови еще больше.

– Может быть, это он и приучил ее к героину, – добавил он.

– Было что-то, указывающее на такой поворот?

– То есть? – Привольнов одарил меня вопросительным взглядом.

– Он наркоман? – прямо спросила я.

– Нет, – со вздохом признал Алексей. – По крайней мере, я не замечал. Я, признаться честно, мало о нем знаю, – раздраженно проговорил он. – Мне он не нравился: наглый, самоуверенный! Кажется, летчик... вертолетчик... или еще какой налетчик. А может быть, и просто никто. Так, соврал для пушей важности. Много ли нужно, чтобы вскружить голову неопытной девчонке?

– А что сам Милехин? Что за человек, чем живет?

– Шеф – сложный человек, – вздохнул Привольнов. – Часто непонятно, что у него на душе.

– Ну а чисто внешние моменты? Положение дел в бизнесе, личная жизнь...

– Он возглавляет фирму по продаже итальянской мебели. Дела вроде бы идут хорошо. Вернее, шли...

– То есть сейчас не очень? – уточнила я.

– Конкуренты насаждают, налоговую насылают, и вообще, – махнул рукой Привольнов. – Но это все проблемы, не имеющие отношения к делу. Что еще сказать? – Он задумался.

– Ты, по-моему, кстати, не упомянул ни разу о матери Олеси.

– Они с Милехиным не живут вместе.

– Почему?

– Шеф нашел себе молодую пассию и женился.

– Да, банальная история, – вздохнула, в свою очередь, я. – И где мать?

– Отдельно живет, – кратко ответил Привольнов. – Владимир Петрович с матерью Олеси в разводе с самого ее рождения. Можно сказать, что Олеся была только его дочерью, его и больше ничьей!.. Это он вырастил ее и воспитал.

– И что представляет собой мать? Почему бросила дочь?

– Она алкоголичка, – сухо ответил Алексей.

«Да, интересный коленкор, – подумала я. – Гремучая смесь – отец-бизнесмен и мать-алкоголичка. Иногда дает весьма замысловатое генетическое продолжение».

– И что, она вообще не общалась с дочерью? – спросила я.

– Я не в курсе, – поморщился Привольнов. – Дам вам ее адрес...

– Хорошо. Вернемся к другу Олеси. Ты знаешь, где он живет, работает? Может быть, учится?

– Не знаю, – честно ответил Алексей. – Мне он в свое время представился Елисеем. Кстати, Милехин был твердо уверен, что сможет разлучить их.

– Ему, как и тебе, не нравился Елисей?

– Не нравился, – подтвердил Алексей. – Что касается самого Елисея, то согласно милицейскому протоколу у него железное алиби.

«Это уж я сама как-нибудь разберусь», – с легким раздражением подумала я, однако лицо мое оставалось бесстрастным.

– Ты же говорил сначала, что хотел бы, чтобы я его изобличила, – а сейчас утверждаешь, что алиби, – указала я Алексею на противоречие в его словах.

– Ну, мог нанять кого-нибудь, – сказал Привольнов. – К тому же я не уверен, что это точно он. Может быть, еще кто из близких Олесе людей. Потому что я не верю в самоубийство.

– Ну, хорошо... А что насчет подруг Олеси? – задала я следующий вопрос. – С кем можно поговорить о ней самой?

– Самой близкой ее подругой была некая Наташа Рогачева, но она вышла замуж за иностранца и покинула Россию. Есть еще Ксения Лопатникова. К сожалению, Ксения сменила адрес, и я не знаю, где она живет.

– Учится или работает?

– Знаю, что учится на филфаке, а вот где – в университете или педагогическом, – затрудняюсь сказать.

Я на некоторое время задумалась. Было несколько версий, с чего начинать расследование, но я решила пойти по самому простому пути.

– Леша, мне бы неплохо получить ключи от квартиры, где погибла Олеся.

– Зачем? – удивился Привольнов. – Ведь милиция там ничего не обнаружила.

– У меня свои методы, – сказала я. – Сможешь достать? Например, взять у своего шефа?

Он, я думаю, не будет против...

Привольнов пожал плечами и после паузы проговорил:

– Попробую...

– Кстати, а почему с просьбой о расследовании обращаешься ты, а не сам Милехин?

Он что, не заинтересован? – спросила я, чувствуя некую дистанцию между Привольновым и Милехиным.

– Он сейчас по-прежнему в шоке и не хочет ничем заниматься. К тому же тут дела с этой налоговой, властями, всякое такое. Ну, и, в конце концов, мы с вами старые знакомые. Но... – Привольнов слегка замялся. – В общем, платить будет он. Я являюсь посредником.

– Ладно, посредник, – передразнила я его. – Все поняла. Вы знаете, сколько стоят мои услуги в день? Готовы их оплачивать?

– Вопрос денег здесь не самый главный, – отрезал Привольнов.

– В таком случае – по рукам. Можешь дать мне задаток, и я начинаю работать.

Привольнов вынул из внутреннего кармана пиджака запечатанный конверт и протянул мне.

– Давайте так, – немного неуверенно сказал он. – Здесь тысяча долларов за пять дней. Раскроете дело раньше – получите столько же в качестве премии. Ну а если позже, то... В общем, есть только две тысячи.

Я посмотрела на конверт, потом на лицо Привольнова.

– А говорил, что проблема денег – не самое главное, – проговорила я скептически.

– Просто хотелось побыстрее, – смущенно ответил Привольнов.

Я еще немного подумала и решила согласиться, хотя условия были несколько нестандартными. В сущности, ничего страшного: обычно я укладывалась даже меньше чем в пять дней. И была почти уверена, что и на сей раз будет так же. Да и Алексею удалось меня убедить, что смерть от передозировки героина внешне благополучной девушки, не знакомой с наркоманами и не оставившей посмертной записки, выглядит странновато.

– Хорошо, я согласна, – сказала я вслух.

– Вот и отлично! – обрадовался Алексей.

– Подожди, – остановила я его. – У тебя есть фотография Олеси?

Алексей полез в карман пиджака.

Он достал бумажник, а из него – цветную фотографию, изображавшую очень симпатичную девушку с открытой улыбкой.

– Только вы верните мне ее потом, пожалуйста, – попросил он.

– Непременно, – заверила я.

Алексей внимательно посмотрел на меня.

– Что еще? – удивилась я.

– Татьяна Александровна, дело в том, что сегодня мы хотим устроить небольшое торжественное мероприятие... – неуверенно начал он мямлить. – Так, повода особого нет, но все же... Так вот, я вас приглашаю! – неожиданно выпалил Алексей под конец тирады.

– Интересно, конечно, – несколько изумилась я. – А кто это мы, позволю узнать?

– Ну... я, – признался Привольнов. – Все будет проходить у меня дома. Будет Григорий, кое-кто из фирмы и, главное, Владимир Петрович. Я подумал, для вас это подходящий момент, чтобы с ним познакомиться.

– Что ж, – пожала я плечами. – Действительно. А он будет один или с супругой?

– Вот этого не знаю, – немного нервно ответил Привольнов. – Но вам же нужен он. Пока, во всяком случае. А уж потом вы сможете договориться и о встрече с Кристиной.

– Ладно, хорошо. Когда и куда подъезжать?

Привольнов продиктовал адрес и сказал, что вечеринка назначена на шесть часов.

– Ладно, буду, – пообещала я.

– Тогда до свидания. – Привольнов встал и направился к выходу.

Я заперла за ним дверь и задумалась. Поведение Привольнова интуитивно слегка настораживало меня чем-то неуловимым...

В другом случае я бы, пожалуй, отказалась от приглашения: не хотелось тратить время на мероприятия, не имеющие отношения к расследованию. Но должен был присутствовать мой главный заказчик и одновременно один из главных свидетелей по делу, которым я согласилась заниматься. А это меняло картину.

«В конце концов, пообщаюсь с Григорием, вспомним юность, – с улыбкой подумала я. – Когда-то, еще до появления в его жизни Вики, я, кажется, ему нравилась...»

Правда, все это было давно. Минуло довольно много лет, и грядущая встреча, скорее всего, будет лишена лирических и драматических отзвуков прошлого...

Когда Привольнов ушел, я вернулась в комнату, задумчиво помахивая конвертом с тысячей долларов. Что ж, новое дело, и приниматься за него нужно чем раньше, тем лучше, если держать в уме премиальные, которые обещали мне в случае быстрого обнаружения преступника Привольнов и стоящий за ним Милехин.

Задача все же захватила меня, заставив работать и мысли, и чувства. Внутреннее чутье – то самое, которое сделало меня одним из самых удачливых профессиональных детективов в провинциальном губернском городе, – подсказывало, что дело Милехина вовсе не такое простое, каким кажется на первый взгляд, и еще предстоит поломать голову.

Неожиданно появилась интересная мысль: какое по счету это дело? Я не смогла вспомнить даже приблизительно. Господи!.. Сколько всего было!..

«Надо будет как-нибудь попробовать подсчитать и постараться вспомнить, когда и чем мне приходилось заниматься – вдруг пригодится! А что?.. Под старость сяду писать мемуары – чтиво получится еще то!» – игриво подумала я.

Спрятав конверт с деньгами в тайник, я с чашкой кофе в руке села на любимый диван подумать.

Итак, версия первая: Олеся Милехина действительно была наркоманкой и погибла от передозировки. Никто ее не убивал. Не исключено, что к наркотикам Олеся приучил ее парень, о котором известно только то, что он то ли Елисей, то ли еще кто, то ли летчик, то ли вертолетчик. Безусловно, необходимо установить личность и проверить, действительно ли у него есть алиби на момент гибели Олеси. Кто знает – вдруг они вместе принимали наркотики, а когда парень увидел, что с Олесей плохо, то испугался и убежал. Позже явился, уничтожил следы и поднял шум. Такое в криминальной практике много раз случалось.

Версия вторая: у девушки были крупные неприятности, из-за которых она покончила с собой. Но какие? Об этом нужно побеседовать с ее друзьями и знакомыми. Может быть, Елисей ее бросил? Мало ли на свете глупышек, готовых умереть из-за несчастной любви!

И окружение Олеси – ближайшие родственники... То бишь отец, его молодая жена... А отношения между дочерьми и молодыми мачехами, близкими по возрасту, обычно не отличаются особой теплотой! Потом алкоголичка-мать – тоже персонаж подозрительный, хотя и находящийся как бы на периферии событий. Кто может о дочери знать больше, чем мать, даже если они не живут вместе? Ведь поверяла же Олеся кому-то свои секреты!

И наконец, версия третья: случившееся каким-то образом связано с бизнесом Милехина, в котором, судя по намекам Привольнова, не все гладко в последнее время. Он вполне мог

кому-то перейти дорогу. В отместку у бизнесмена отняли самое дорогое – дочь. Но в этом случае Милехин, скорее всего, уже знал бы, кто ему отомстил и за что.

Как ни крути, а без помощи моих любимых двенадцатигранных костей, на которых я гадаю уже много лет, и на этот раз не обойтись. Я не привыкла начинать расследование без их совета, ведь они еще ни разу не обманули меня. Вот и сейчас рука моя автоматически потянулась к коричневому замшевому мешочку.

«28+8+20» – «Скоро вас будут одолевать разочарование и досада».

После такого предсказания я медленно опустила на диван и потеряла лоб.

«А не поспешила ли я согласиться? – возникла невольная мысль. – Может быть, и в самом деле девчонка сама отравилась героином, случайно? Такое тоже бывает – с виду благополучная девочка, скромная, застенчивая, сроду не подумаешь о каких-то тайных пороках и увлечениях. К тому же если она начала принимать наркотики совсем недавно, это могло быть и не заметно окружающим. Объясняется ситуация с передозировкой – неопытные наркоманы вполне могут переборщить и перепутать. Захотелось эйфории, «улететь», что называется, повыше, вот и приняла от души...»

Но, поразмыслив, я убедилась, что принимать сейчас какие-то кардинальные решения и делать однозначные выводы преждевременно. Для начала стоит все же посетить Привольнова, пообщаться как с ним, так и с Милехиным, а уж потом решать, работать или нет.

Убедив себя в этом, я начала потихоньку готовиться к сегодняшнему вечеру.

* * *

Предсказание костей не замедлило осуществиться: вечеринка у Привольнова, по большому счету, разочаровала меня. Нет, не организацией или атмосферой – с этим как раз полный порядок. Алексей решил сделать торжество в чешско-баварско-средиземноморском духе. В качестве основного напитка он избрал бутылочное пиво «Богемия», недавно появившееся на тарасовском рынке и уже успевшее завоевать любовь ценителей. У Алексея были представлены все три сорта: светлое, темное и полутемное.

Закуски Привольнов также подобрал соответствующие. На столиках, расставленных по просторному залу, наличествовали разнообразные холодные закуски: оломоуцкие сырки, или «тваружки», как называют их сами чехи, будеевицкие сырные палочки и «утопенцы» с перчиком. Баварская подкопченная рыба соседствовала с мюнхенскими колбасками и бретцлами – особой немецкой выпечкой. Средиземноморская кухня представлена кольцами кальмаров в чесночном соусе и традиционными креветками. Не забыл Алексей и горячие блюда: колбаски-гриль, маринованные острые куриные крылышки и, конечно, жареные свиные ребрышки – все было невероятно вкусно.

Разумеется, Привольнову не пришлось возиться с готовкой: блюда можно было легко заказать в разных кафе и ресторанах города с доставкой на дом.

Привольнов-младший казался довольным. Он торжественно провозгласил начало пиршества, прочитав даже мини-лекцию на тему пива «Богемия» и закусок. Особенно он старался привлечь внимание женщин, описывая достоинства пива и предлагая им попробовать этот напиток. Надо отдать должное, пиво оказалось великолепным. Даже я, никогда не считавшая себя поклонницей этого напитка, с удовольствием его отведала. Остальные дамы, а их, кроме меня, было две, также остались довольны. Про мужчин и говорить нечего.

Одна из присутствующих женщин по имени Ирина была женой какого-то приятеля Алексея, которого я видела впервые. Другая работала вместе с ним в фирме господина Милехина в качестве бухгалтера. Звали ее Лариса, и лет ей было не более тридцати. Григорий Привольнов явился один и периодически бросал заинтересованные взгляды в мою сторону, в которых проскальзывало удивление и восхищение.

А расстроилась я из-за того, что главного «виновника» моего присутствия у Привольнова вечером там не оказалось: Владимир Петрович Милехин отсутствовал. Равно как и его молодая супруга.

Вначале я подумала, что он просто задерживается по делам, и не стала докучать расспросами. Но где-то в середине мероприятия все же не выдержала и подошла к хозяину, стоявшему у столика в углу комнаты со стаканом светлого пива в руках. Привольнов, видимо, понял, какой вопрос я хочу задать, потому что сразу же скороговоркой проговорил:

– Я звонил шефу, он пока недоступен, но, видимо, в дороге. Может быть, застрял в пробке. Обычное дело, не переживайте! Угощайтесь!

Я пожала плечами и пошла угощаться. Общение с незнакомыми женщинами не складывалось, в первую очередь по причине того, что они стояли вдвоем и активно обсуждали какие-то только им интересные вещи. Мужчины, сгрудившись, наперебой расхваливали сорта пива, пробуя их поочередно. Я села в уголке и от нечего делать стала перебирать стопку журналов на столике.

Неожиданно среди них оказался фотоальбом. Из любопытства открыв его, я обнаружила, что он содержит фотографии Алексея школьной поры. Я моментально узнала его – на снимках мелькал именно тот нескладный Леша, который и запечатлелся в моей памяти с времен юности.

Я видела его как в окружении одноклассников, так и в одиночестве. На одном Алексей, уже несколько повзрослевший, был изображен вместе с юной девочкой, на вид не старше тринадцати-четырнадцати лет, правда, довольно сильно накрашенной. Он держал руку на ее плече, а девушка, тесно прижавшись к нему, обнимала рукой за талию. На Олесю Милехину она была совсем не похожа.

Пролистав до конца альбом, я отложила его в сторону и снова поймала на себе пристальный взгляд Григория Привольнова. Он явно ждал приглашения подойти, и я слегка улыбнулась: я была не против пообщаться с Привольновым-старшим до приезда Милехина, в котором уже начала сильно сомневаться.

Григорий улыбнулся в ответ и двинулся ко мне. Он все же изменился сильнее своего младшего брата за эти годы. Конечно, тоже возмужал: теперь это не худощавый юноша с хвостиком русых волос, а солидный, широкоплечий мужчина, знающий себе цену. В жизни ему явно сопутствовал успех, во всяком случае, в социальном плане, и это было откровенно заметно как по его одежде, так и по уверенной манере держаться. Но в то же время черты лица и выражение оставались прежними, вполне узнаваемыми.

– Очень рад тебя видеть, Танюша, – произнес он, галантно склоняясь к моей руке и прикасаясь к ней губами. – Ты чудесно выглядишь. Правда, немного бледна, но это, я бы сказал, аристократическая бледность.

– Спасибо, Гришенька. Просто я только что переболела ангиной.

– Печально, печально, – качая головой, подхватил Привольнов, усаживаясь рядом. – Рад, что все обошлось. Как поживаешь, чем занимаешься?

– Думаю, что ты и сам в курсе того, чем занимаюсь, – продолжая улыбаться, сказала я. – Это же ты рекомендовал меня своему младшему брату в качестве частного детектива.

– Ну, ты уж прости, что я взял на себя такую смелость, – принялся извиняться Григорий. – Хотел как лучше...

– Ладно, расслабься! – махнула я рукой. – Я же не делаю тайны из своей профессии. Наоборот, это мой хлеб. Ты мне лучше скажи, что это за загадочный человек – Владимир Петрович Милехин? Я, собственно, пришла сюда в надежде поговорить с ним, а он, заказав расследование, что-то не торопится со мной познакомиться.

– Милехин – закрытый человек, непростой, хотя и не во всем – в некоторых вопросах он довольно предсказуем, – наморщив лоб, ответил Привольнов. – Но бог его знает, что у него в голове. Может, и впрямь не хочет лишний раз испытывать боль от расспросов о дочери.

Переживал он, надо сказать, действительно здорово. Но это и понятно: он один растил Олесю. Она даже была для него своего рода смыслом жизни.

– Ты уверен? – позволила я себе скепсис. – Вообще-то, как я погляжу, господин Милехин не лишает себя житейских радостей, если вступил в законный брак с женщиной, годящейся ему, как я понимаю, в дочери... Как-то он все-таки не замкнулся на одном воспитании Олеси.

– Ну, это можно понять – он же еще не старый человек. По нашим с тобой меркам, конечно.

– Ему, кажется, под пятьдесят? – уточнила я, думая, что нам с Григорием все же гораздо меньше.

– Да, где-то так, – кивнул Привольнов. – Но разве это возраст для мужчины? И потом, у него не было нужды делать выбор между дочерью и личной жизнью! Олеся никогда не ставила ему таких условий!

– Расскажи мне о ней, – попросила я. – Что это была за девушка?

– Вполне хорошая, – с расстановкой проговорил бывший юрист и нынешний бизнесмен. – Пожалуй, не очень часто встречающийся экземпляр среди нынешней молодежи. Скромна, честна, домоседка. Притом, что с внешностью у нее все в полном порядке. Встречалась с парнем, кажется... Я не так хорошо ее знаю, как Алексей, тебе лучше поговорить с ним.

– Спасибо за совет, я уже говорила, – кивнула я. – Просто хотелось услышать непредвзятое мнение со стороны.

– А ты считаешь, что Алексей относится к ней предвзято? – испытующе уставился на меня Григорий.

– Я так понимаю, она ему нравилась, – не стала я прямо отвечать на вопрос. – Может, он даже в нее влюблен.

– Ну, если и был когда-то, то это давно прошло, – небрежно сказал Григорий. – Не воспринимай серьезно! Они и виделись-то в последнее время нечасто.

– И тем не менее именно он попросил меня расследовать ее смерть, – заметила я.

– Ему шеф поручил найти частного детектива! – горячо убеждал меня Григорий, заглядывая в глаза. – Он же лицо подневольное, к тому же адвокат, кому еще Милехин мог дать такое задание?

– То есть сам Алексей не заинтересован в раскрытии причин смерти Олеси? – в упор посмотрела я на Привольнова.

Григорий на миг застыл, потом расхохотался, откинувшись на спинку кресла и едва не расплескав пиво.

– Да, Танюша, вижу профессионала! Не зря ты получила диплом юриста. Очень ловко и умело можешь повернуть слова собеседника так, чтобы сделать из них вывод, удобный тебе! Причем привести такие доводы, что он у тебя прекрасно уложится в логическую цепочку! Ничего плохого в этом нет, – прижал он руки к груди. – Это даже похвально и можно использовать в практических целях! Я бы тебе даже посоветовал заняться адвокатской практикой: именно там могут с успехом пригодиться твои способности!

– Спасибо, я довольна избранной специальностью, – сухо сказала я.

– Что поделаешь, я не одарен подобным талантом, – притворно вздохнул Григорий. – Я понял это сразу, как только получил диплом и начал трудиться в адвокатуре. Пришлось признать свое поражение и полностью сменить род деятельности. Но теперь я вполне доволен. Только вот юридические навыки подрастерял, мне сейчас трудно тебе противостоять.

– И не надо, Гришенька! – ласково улыбнулась я. – Давай лучше будем союзниками! Разве у тебя другие цели?

– Ну что ты, конечно же, нет! – раздул щеки Григорий. – Тогда я бы не стал рекомендовать тебя! И вообще, мне-то зачем надо, чтобы причина смерти Олеси осталась тайной? Я вообще лицо незаинтересованное! Как и Алексей!

И он преданно посмотрел мне в глаза.

«Ой ли? – невольно подумала я. – Что-то уж больно часто ты это повторяешь! И как выгораживаешь своего братца, прямо как будто намеренно! Но... Если у Привольнова-младшего, что называется, рыльце в пушку, зачем он нанял меня? Или действительно лишь подчинился приказу шефа? Но где он тогда, этот самый шеф, черт его дерит?! Что же он медлит?»

Отношениями этих людей мне еще предстояло разобраться, но только не с помощью Григория: он уже продемонстрировал мне свою позицию. Так что я прямо спросила:

– А Милехин знает, что я жду его здесь?

– Не знаю, – помотал головой Привольнов-старший. – Уточни у Алешки. Может, кстати, и не знает, тогда это все объясняет. Может, просто Кристина раскапризничалась и сказала, что хочет остаться дома, вот и все. А ему приходится выполнять прихоти молодой супруги.

– А скажи мне, Гришенька, – задумчиво сказала я, делая глоток. – Что все-таки заставило Милехина выбрать в жены девушку вдвое младше себя?

– По-моему, ответ очевиден! – хмыкнул Григорий. – Молодость и красота избранницы – вот и все объяснение. Что тебя удивляет? По-моему, задавать подобный вопрос было бы уместно, если бы была обратная ситуация: что заставило жениться на женщине старше на двадцать лет, толстой, некрасивой и с тремя детьми!

– Ладно, пожалуй, действительно здесь все логично, – вздохнула я. – Просто я сама женщина, мне не столь очевидны подобные вещи.

– Не понимаю? – поднял бровь Григорий.

– Ну, это как в анекдоте, – пояснила я. – Женщины умнее мужчин, потому что ни одна из них не выйдет замуж только потому, что у ее избранника красивые ноги.

И улыбнулась. Григорий раскатисто рассмеялся и зааплодировал, а я задала ему следующий вопрос:

– Ты сам-то как думаешь, это могло быть самоубийство?

– Нет, – ответил Привольнов. – Просто не было причин. Да и характер не тот.

– А несчастный случай?

– Он был бы возможен, если бы Олеся принимала наркотики.

– А она принимала?

– Думаю, нет, – решительно заявил Привольнов. – Во всяком случае, когда я с ней общался, не замечал ни малейших признаков. А я все-таки повидал наркоманов за время работы по специальности.

– Тогда выходит, ее все-таки убили. Так? – Я внимательно посмотрела на Григория.

– Я уже говорил, ты умеешь делать логические выводы, – ответил он.

– А ты – уклоняться от прямого ответа, – в тон ему ответила я. – Все-таки учеба зря не проходит! Так кто же мог желать смерти милой, скромной девочке-домоседке? Если она и общалась-то в основном с отцом да со своим ухажером?

– Может быть, ухажер и мог, – машинально сказал Привольнов.

– У тебя есть основания так полагать?

– Да нет, это я так, предположил просто, – пошел на попятную Григорий. – Я и знать не знаю этого ухажера, и не видел его никогда, и сказать о нем ничего не могу!

– То есть и лошадь не твоя? – прищурилась я.

– Какая лошадь? – не понял Григорий.

– Ладно, проехали, – махнула я рукой и посмотрела на часы.

Вечеринка уже близилась к стадии завершения, и ждать, что Милехин появится, было просто глупо. С Григорием я уже пообщалась и все, что хотела узнать, в общем-то, узнала. Остальные присутствующие меня вообще не волновали. Больше мне здесь делать нечего.

Я подхватила свою сумку и двинулась к выходу, кивком показав Алексею, чтобы вышел за мной. Привольнов-младший последовал моей просьбе, подал мне плащ и скромно напом-

нил об авансе, который выдал мне утром. Я, раздражившись, кивнула и заверила Алексея, что приступлю к делу сразу с завтрашнего утра. При этом нисколько не лукавила.

– Вообще-то я приступила бы к нему уже сегодня, – холодно заметила я. – Если бы ты не заманил меня на эту вечеринку.

– Вам не понравилось? – прикинулся дурачком Алексей.

Я усмехнулась.

– Мне, безусловно, все понравилось. И пиво действительно замечательное, и общий антураж. Но все же я шла сюда в первую очередь с другой целью. Мне нужен был Владимир Петрович Милехин.

– Но я не виноват, что так получилось! – распахнул свои глаза Алексей. – Я сам не ожидал, что Владимир Петрович не приедет! Поверьте мне!

– Он знает, что я должна быть здесь? – спросила я.

Алексей помялся и утвердительно кивнул. Я вздохнула и потуже затянула поясok плаща.

– Ты знаешь, Леша, – задумчиво произнесла я, пристально глядя в серые глаза Привольнова. – У меня складывается впечатление, что твоему шефу не так уж важно знать, что произошло с его дочерью!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Как бы там ни было, а назавтра уже в одиннадцать утра я подъезжала на своем «Ситроене С5» к медицинскому институту. Я решила начать с беседы со студентами группы, в которой училась Олеся Милехина. Я понятия не имела, с кем из своих однокурсников Олеся была дружна, поэтому для начала выбрала в собеседники старосту группы.

После этого я хотела поехать к матери Олеси. И, кроме того, побывать в университете и пединституте с тем, чтобы постараться разыскать Ксению Лопатникову. Для того чтобы люди более охотно шли на контакт, я иногда пользовалась удостоверением оперативного работника городского УВД, которое мне не так давно справил давнишний друг подполковник Андрей Мельников. С этим человеком меня связывало многое, и я рассчитывала обратиться к нему – а параллельно помочь ему в повышении процента раскрываемости преступлений. Если, конечно, им занимается его отдел.

Пользовалась документами я в зависимости от ситуации. Взглянув в лицо человека, с которым предстоит побеседовать, обычно безошибочно определяла, придется идти на хитрость или нет.

Милицейское удостоверение распахивало передо мной многие двери, закрытые для частного детектива. Обычно я, как фокусник, раскрывала красную книжечку, махала ею перед чьим-то носом и, не дав рассмотреть, тут же убирала. Срабатывало на все сто. Еще не было случая, чтобы меня кто-то в чем-то заподозрил. Но я всегда вела себя осторожно и старалась не злоупотреблять.

Отыскать группу, в которой не так давно училась Олеся Милехина, мне удалось не только без помощи удостоверения, но и практически без труда – в деканате никто особо не интересовался моими мотивами.

В этот день группа должна была заниматься в административном здании железнодорожной больницы. На мое счастье, профессора, который должен был проводить семинар, неожиданно вызвали в операционную, и студенты, предоставленные сами себе, разбрелись по территории больницы, невзирая на холодную погоду.

В просторном и светлом вестибюле перед аудиторией я увидела одну из студенток: она сидела на широком подоконнике и читала какую-то книжку.

– Добрый день, – обратилась я к девушке.

Студентка раздраженно подняла голову, чтобы увидеть, кто оторвал ее от чтения, но тем не менее ответила вежливо:

– Здравствуйте.

– Я занимаюсь исследованием гибели Олеси Милехиной и хотела бы задать вам несколько вопросов, – отчеканила я.

Девушка смутилась:

– Боюсь, ваши вопросы останутся без ответа. Олеся была очень хорошей и умной. Мне искренне жаль, что она так рано ушла из жизни. Но мы с ней никогда не были близки и виделись только на занятиях. Я совсем ничего о ней не знаю, так что извините.

– А с кем из студентов вашей группы я могу поговорить об Олесе?

– Поговорите со старостой, – посоветовала девушка. – Аня у нас излишне любопытная и всегда обо всех все знает.

– А где я могу ее найти?

Студентка спрыгнула с подоконника и подошла к двери, ведущей в аудиторию.

– Вон она, в окружении одноклассников, – девушка показала на компанию студентов из четырех человек. – Видите в центре рыжую красавицу?

– Вижу.

- Это и есть Аня, наша староста.
- Спасибо, – с улыбкой поблагодарила я.
- Не за что.

Студентка вернулась к подоконнику и снова уткнулась в свое чтиво, а я вошла в аудиторию и направилась к той группе, на которую мне только что указали.

- Добрый день, – поприветствовала я студентов.

Медики ответили нестройным хором, глядя на меня с любопытством. Я на всякий случай все же показала им удостоверение, повторив то же самое, что только что сказала девушке в вестибюле.

И тут в глазах одного из студентов неожиданно заметила страх. Он быстро отвернулся и поспешил уйти, явно не желая общаться. А трое других – веснушчатый парень и две девушки – смотрели на меня с интересом.

- Так ведь дело-то закрыли, – заметил парень.
- Откуда вам известно? – спросила я.

Парень смутился и, стрельнув глазами в сторону рыжеволосой красавицы, пробормотал неопределенно:

- Так говорили.
- Дело не закрыли, а временно приостановили, – соврала, не моргнув глазом, я. – Теперь расследование поручено мне, поэтому я и пришла к вам.

– Незачем, – сказала рыжая красотка. – По-моему, и так все ясно: принимала наркотики и переборщила.

Девушка с большой родинкой на лице как-то передернулась, словно хотела сказать старосте: «Говори только за себя!»

– Значит, вы считаете, что Олеся Милехина была наркоманкой, – присаживаясь на свободный стул, обратилась я к старосте. – Это ваше личное мнение или вам об этом доподлинно известно?

Рыжая дернула плечом:

– Это мое личное мнение. С виду Милехина была милой, скромной и всегда вежливой. Однако я уверена, что все это – сплошное притворство. В тихом омуте, как известно, черти водятся. Она только и имела что красивое личико, а так ничего собой не представляла, училась слабо и в институте держалась на честном слове. Может быть, наркотики придавали ей смелость и уверенность в себе.

Девушка с родинкой возмущенно подняла голову, но промолчала.

«Почему? – задумалась я. – Не хватает смелости выступить против старосты или действительно за Олесей водились кое-какие грешки?»

А парень, почесав голову, сказал:

– Вообще-то у Олеси был хороший характер. Она старалась ни с кем не ссориться, всегда была вежливой и внимательной. Но что лично меня всегда поражало – так это то, что Олеся была умным и интеллектуально развитым человеком, а училась слабо. Может, ей чего-то не хватало, раз она села на иглу?

– Значит, вы тоже считаете Олесю наркоманкой, – сделала я вывод.

– Не знаю, – честно ответил парень. – Верить не хочется, но – не знаю. Одно могу сказать точно: ничего странного в поведении Олеси мы не замечали. Мы же медики! Если бы Олеся принимала наркотики, то мы, без сомнения, увидели бы. Не знаю.

Студентка с родинкой на щеке наконец-то возмутилась:

– Василий, как ты можешь сомневаться в том, была Олеся наркоманкой или нет?! Ты же считался ее другом и знаешь ее лучше, чем кто-либо из нас!

Девушка повернулась в мою сторону и решительно заявила:

– Олеся не была наркоманкой! Никогда в этом не сомневалась и не буду сомневаться!

Василий взглянул на нее так, словно хотел что-то сказать, но промолчал. А на девушку с родинкой вместо Василия набросилась староста Аня:

– Слушаю тебя, Лика, и удивляюсь, – язвительно сказала она. – Много ли ты о Милехиной знаешь? Она была до ужаса скрытной и никогда ничего о себе не рассказывала. Мне огромных трудов стоило узнать, что ее родители в разводе и что они безнравственные люди. У таких вполне может быть дочь-наркоманка.

– На чем основывается ваше утверждение, будто родители Милехиной безнравственные люди? – спросила я у Ани.

– У них есть любовники, – безапелляционно ответила та.

– Можно подумать, ты без греха, – скептически хмыкнула Лика.

– Речь не обо мне, – парировала Аня. – А Милехина за пять лет учебы в институте ни одного праздника не отметила вместе с группой, ни разу на дискотеку не сходила.

– Это не преступление! И вообще, у Олеси не было денег ходить по дискотекам, – ответила ей Лика.

– Прямо так уж не было! – с ехидцей воскликнула Аня. – Я один раз увидела, как отец дал ей пять тысяч рублей, и попросила пятьсот взаймы, а Олеся не дала, сказала, что истратила. Я спросила, когда же это она успела, а она мне ответила, что это не мое дело. Так что, как видите, она вовсе не была такой хорошей, как ее тут некоторые изобразили.

– В отношении денег я согласна, – сказала Лика. – Я точно знаю, что отец отваливал Олесе приличные суммы, но она вечно сидела без копейки.

– Поэтому вопрос о наркотиках вполне уместен – на что еще она могла тратить? – закончила за нее мысль Аня.

– Как вы думаете, у Олеси могла быть причина покончить с собой? – спросила я.

За всех ответила Аня:

– Кто ее знает?! Милехина действительно была скрытной и никому ничего о себе не рассказывала. Лично я думаю, что она все-таки переборщила с наркотиками.

Лика с досадой мотнула головой, но промолчала.

– У Олеси был парень по имени Елисей. Вам что-нибудь о нем известно? – задала я следующий вопрос.

И Лика оживилась:

– Да, я его видела. Симпатичный парень... Олеска в этом году впервые за пять лет встречала с группой Новый год и пришла вместе с ним.

– Надо же перед всеми похвалиться, какое сокровище обрела, – съязвила Аня.

По ее вспыхнувшим румянцем щекам я поняла, что в старосте группы говорит обычная женская зависть.

– Можете ли вы сказать мне что-нибудь об этом Елисее – кто он такой, чем занимается, где живет?

Аня с Ликой переглянулись и пожали плечами:

– Да мы его всего один раз и видели, именно тогда, на Новый год.

– Я его как-то встретила в городе, но он не стал со мной разговаривать, – добавила староста.

– Ну что ж... – Я встала. – Спасибо вам за откровенный разговор. До свидания. Лика, если вам не трудно, проводите меня, пожалуйста, я боюсь заблудиться.

Подруга Олеси не стала возражать и направилась вместе со мной к выходу.

В вестибюле никого не было. Я остановилась у окна и попросила Лику:

– Пожалуйста, скажите мне, что вы лично думаете об Олесе Милехиной.

– Я твердо уверена в том, что Олеся не была наркоманкой, и никто меня не переубедит, – сказала Лика. – Если Санек из второй группы курит марихуану, а Вадик из нашей группы балуется героин, то мы все об этом знаем. А там ничего не было. Иначе мы бы знали. Совершенно

точно... Гибель Олеси для нас как гром среди ясного неба. Большинство считает, что Олеся покончила с собой, а я...

Девушка отвернулась, не договорив.

– А вы?

– Думаю, у Олеси не было повода для самоубийства, – ответила Лика. – Она была счастлива и за несколько дней до смерти поделилась со мной, что они с Елисеем решили пожениться. Единственное, что действительно угнетало Олесю, так это то, что ей приходится учиться в медицинском. Это ее отец мечтал видеть дочь врачом. Но вы же понимаете, что для самоубийства это не мотив.

– Да, разумеется, – тут же согласилась я. – Но, может быть, ее Елисей вдруг бросил в самый последний момент? Поссорились, с кем не бывает... А Олеся эмоционально все восприняла.

– К сожалению, я ничего о Елисее не знаю, кроме того, что он был летчик, – ответила Лика. – Анька, как это ни прискорбно, права: Олеся действительно была скрытной и никому не рассказывала о личном, а я ее ни о чем не спрашивала – неудобно лезть в душу, если человек не хочет. А насчет эмоций – это возможно. Олеся при всей скрытности была ранимым и эмоциональным человеком.

– Вы знаете кого-нибудь из друзей Олеси? – спросила я. – Я имею в виду, за пределами института.

– Ксюша. Ксения Лопатникова, – наморщив лоб, ответила Лика. – Нас Олеся однажды познакомила. Она учится на филфаке в педагогическом институте. Кажется, на третьем курсе...

– Спасибо за информацию.

– Это вам спасибо за то, что занимаетесь этим делом. – Лика улыбнулась и направилась обратно в аудиторию, а я пошла к своей машине.

И тут вдруг меня догнал Василий. Он дернул меня за рукав и, глядя куда-то в сторону, сказал:

– Извините, но я не стал говорить при всех, чтобы потом не трепали об Олесе языком. О ней и без этого болтают кто во что горазд.

– Давайте отойдем в сторону, – предложила я.

Мы сошли с выложенной плитами дорожки и стали под деревьями.

– Прошлой осенью, – начал говорить Василий, – где-то в сентябре или октябре, вокруг Олеси стал ошиваться какой-то подозрительный тип. Он преследовал ее всюду, где только мог. Я спросил у Олеси, нужна ли помощь, но она ответила, что нет, потому что это ее проблема и ей решать. Но потом у Олеси появился Елисей, и тот парень исчез.

– И вы не знаете, кто он? – спросила я.

– К сожалению, нет, – ответил Василий. – Но я могу его опознать. У вас же имеется картотека. Я спросил у Олеси, кто этот тип, а она ответила мне: «Сказала бы, если бы не было так стыдно». И назвала его при этом то ли Вовик, то ли Славик.

– А о Елисее вы что-нибудь знаете?

– С виду нормальный парень, – ответил Василий. – Может быть, не так чтобы продвинутый... Но это понятно: летчик – что с него взять. А вообще, производит положительное впечатление: сильный, волевой.

– Не так чтобы продвинутый – это что значит?

– Несовременный, слишком старомодный, – объяснил Василий. – Хозяйственный такой... Полочки прибить и всякое такое. Все проблемы разрулить. Словом, традиционный мужской типаж. Но, похоже, Олесе именно такой и был нужен. Чтобы как за каменной стеной.

– Спасибо за ценные сведения, – поблагодарила я студента.

– До свидания, – Василий кивнул и помчался к административному зданию больницы, а я продолжила путь к своей машине.

Что ж, беседа со студентами кое-что дала: место учебы Ксении Лопатниковой, намек на какие-то проблемы Олеси, связанные с неким «Вовиком-Славиком». Но неужели Олеся действительно принимала наркотики? Верить этому почему-то не хотелось. И характеристика, данная Елисею, не предполагает, что он мог приучить подругу к наркотикам: несовременный, хозяйственный... К тому же летчик, насколько можно понять, гражданской авиации. Не вяжется. Да и Лика категорически отрицает наркоманию, а, похоже, именно она из всех одногруппниц была наиболее близка к Олеся.

Я посмотрела на часы. Время было обеденное, и мне уже хотелось есть, но я решила сначала нанести визит матери Олеси, даме по имени Клара Валентиновна Севастьянова, и только после этого пообедать.

Я завела двигатель и отправилась в путь. По местным меркам мать Олеси жила не так уж далеко от железнодорожной больницы. Но так как по старой доброй традиции половина проезжих улиц либо перекопана, либо перегорожена, мне долго пришлось петлять по улочкам родного города, пока наконец я не остановила машину возле нужного дома.

Я позвонила в домофон, нажав кнопку с номером нужной квартиры, однако это ничего не дало: домофон отключен. К счастью, долго топтаться на крыльце или названивать в соседние квартиры мне не пришлось: очень скоро дверь с мелодичным трезвоном распахнулась, и мне навстречу, чуть не сбив с ног, вылетел подросток лет двенадцати. На ходу пробормотав извинения, он помчался дальше по своим важным делам, а я получила свободный доступ в подъезд.

Дверь открыл смазливый рыжекудрый парень, на вид не старше двадцати пяти лет.

«Интересно, это сын или племянник?» – быстро подумала я и, махнув своим удостоверением перед его носом, представилась:

– ГорУВД, капитан Татьяна Иванова. Занимаюсь расследованием гибели Олеси Милехиной. Мне необходимо побеседовать с Кларой Валентиновной Севастьяновой.

Эти фразы я произносила уже в каком-то автоматическом режиме, и интонация была вполне адекватной.

Парень же поначалу смутился, потом как-то испугался и напрягся.

– Клепа! – нервно крикнул он через плечо. – Это к тебе.

«Очень интересное обращение, – заметила про себя я. – Надо полагать, и отношения с женщиной гораздо старше себя у этого рыжего тоже интересные».

Парень слегка посторонился, пропуская меня в квартиру, но не настолько, чтобы можно было свободно пройти. Мне пришлось буквально пролезать между ним и дверью. И тело мое очень тесно соприкоснулось с телом хозяина. Я почувствовала его запах. У меня внезапно появилось желание двинуть нагльца коленом в пах, но я не стала этого делать, не желая раньше времени портить отношения. И ограничилась тем, что, взглянув в нагло ухмыляющуюся рожу, чувствительно ткнула его локтем в солнечное сплетение. Рыжий охнул и отпрянул.

– Вовик, не шали, – с притворной строгостью одернула его мадам лет сорока пяти, выглянувшая в прихожую. – Тебя могут неправильно понять.

«Вовик! – промелькнуло у меня в голове. – Не его ли видел Василий крутящимся возле Олеси прошлой осенью?!»

У меня появилось огромное желание прижать Вовика к стенке, вцепившись ему в горло, и не отпускать до тех пор, пока он во всем не признается. Однако до поры до времени необходимо сохранять хладнокровие.

Я представилась матери Олеси, повторив трюк с удостоверением.

– Вы ко мне поговорить о моей бедной девочке... – Дама поднесла к сильно накрашенным глазам платочек, но, как она ни старалась, заплакать не удалось.

Клара Валентиновна театрально вздохнула, как кисейная барышня, и махнула рукой в сторону комнаты:

– Проходите. Меня зовут Клеопатра. Только, ради бога, разуйтесь. У меня, знаете ли, ковры.

Она с таким неодобрением взглянула на мои ноги, будто я была обута не в дорогие фирменные туфли, а в драные калоши с прилипшими ошметками грязи.

Тем не менее я послушно разулась, отметив про себя, что ковры – это слишком громко сказано. Обычные половики, возраст которых колебался между тридцатью и сорока годами. Тогда им действительно не было цены, но не из-за стоимости: достать их можно было только по великому благу. Да и мебель, стоявшая в комнате, старая, обшарпанная, хотя лет тридцать назад считалась верхом совершенства.

Вовик же, потоптавшись возле меня, удостоился гневного взгляда хозяйки, понял, что ведет себя как-то не так, и поспешил удалиться.

Меня на какой-то миг охватило сомнение: не ошиблась ли я? Может быть, рыжий Вовик доводится Клеопатре-Кларе или, по-свойски, Клепе, родственником? Как я считала, понятия «бедность» и «альфонс» несовместимы. А может быть, они оба наркоманы?

Тут мне в глаза бросилась цветная фотография, вставленная между стеклами серванта. На ней была запечатлена Клепа в обнимку с Вовиком. Мои глаза загорелись, а мозг усиленно заработал: каким образом можно стибрить фотографию, чтобы показать ее Мельникову. Нет ли этой «сладкой парочки» среди распространителей или покупателей наркотиков?

– Присаживайтесь, – предложила тем временем хозяйка.

Я осторожно присела на диван, боясь, что он подо мной провалится – настолько пережил свой век. Клеопатра Валентиновна устроилась в кресле напротив. Вернувшийся Вовик сунул в рот жвачку и уселся на ручку кресла, в котором сидела хозяйка.

У меня снова возникли подозрения по поводу их отношений. Вернее, я все больше убеждалась в том, что между ними существует интимная связь.

Откровенно говоря, мне была крайне антипатична эта парочка. Если бы не дело, которое привело меня сюда, я бы встала и ушла. Мне снова вспомнились слова студента-медика Василия о том, что, когда он спросил у Олеси, кто такой Вовик, девушка ему ответила: «Сказала бы, если бы не было так стыдно».

Я оглядела мать Олеси. Хотя она и молодилась, все же выглядела на свои сорок пять. В молодости она, без сомнения, была красива: золотые волосы, синие глаза и изящного рисунка губы. Сейчас же передо мной сидела густо накрашенная, потрепанная женщина далеко не первой свежести, с морщинами на лице, скрыть которые, увы, уже не могла декоративная косметика. Как ни странно, следы многолетнего несправедливого образа жизни не были столь явными, но, конечно, от былой красоты и свежести Клары Валентиновны не осталось и следа.

Она явно хотела казаться моложе, но природу уже не в силах были обмануть ни кокетливые рыжие кудряшки, ни мини-юбка, больше подошедшая бы девочке, выпускнице школы, обнажающая сухонькие, худые ноги, на которых красовались колготки-сеточки, заштопанные в нескольких местах.

Вовик тем временем неотрывно следил за моим взглядом. Он, видимо, понял, о чем я думаю, потому что понимающе усмехнулся и, не прекращая жевать жвачку, стал оглядывать меня.

– Клара Валентиновна, – заговорила я, стараясь не обращать на него внимания, но женщина сразу же перебила меня.

– Зовите меня Клеопатра! – царственно махнув рукой, возвестила она.

– Как вам будет угодно, – сдержанно кивнула я, стараясь не рассмеяться. – Мне бы хотелось задать вам несколько вопросов, касающихся личной жизни вашей дочери.

Женщина трагически вздохнула:

– Боюсь, ничем не могу вам помочь. Мы с Олесей не были близки. Она не делилась со мной своими секретами. Бедная девочка! Как трудно расти без матери!

Севастьянова попыталась всхлипнуть.

– Но вы же все-таки мать, – бросила я.

– Ах, не напоминайте мне о моем возрасте, – кокетливо ответила Клеопатра, прижимаясь к своему Вовику. – Да, я ее родила. Но потом мы с Володей расстались, и растила Олесю ее бабушка, мать моего бывшего мужа. Да и поженились-то мы с Милехиным только потому, что я забеременела.

– И что же, вы совсем не виделись с Олесей? – удивленно спросила я.

Клеопатра Валентиновна усмехнулась:

– Нет. Я впервые увидела Олесю, когда ей исполнилось одиннадцать лет: она сама ко мне пришла.

– И потом общение стало более регулярным?

– Ах, каким регулярным! – снова театрально махнула она рукой. – Так, раз в год заходила ко мне на день рождения. Ну, может, еще парочку раз. Милехин, похоже, не одобрял эти встречи.

– А вы разговаривали с Милехиным после Олесиной смерти?

– Я хотела забрать ее вещи, – ответила Севастьянова. – Но не сумела – Милехин не дал мне ключи от Олесиной квартиры. Подлец! Я имею право на ее вещи! Он одевал Олесю как картинку. Я бы с удовольствием доносила ее платья. Зачем добру пропадать? Я же видите, какая худенькая? Как француженка! Мне всегда говорили, что у меня внешность типичной парижанки. И потом, носить Олесиные вещи это же вроде как... память о дочери.

– Так у вас нет ключей от Олесиной квартиры? – мрачно спросила я, пораженная цинизмом этой женщины.

– Увы, нет! – вздохнула Севастьянова. – Я же говорю, мы с Олесей встречались раз в год, в день моего рождения. Олеся всегда меня поздравляла, хотя я много раз ей говорила, что ее отцу это может не понравиться, да и незачем напоминать мне о моем возрасте.

– А где вы работаете?

У Севастьяновой хватило совести смутиться.

– Я временно не работаю, – ответила она. – Я актриса, но мой талант оказался неоцененным.

Тут «альфонс» хохотнул, пробормотав:

– Он уже лет двадцать как оценивается...

– Да, – капризно сказала ему Севастьянова. – Я талантливая актриса. Но, – она опять повернулась ко мне, – с тех пор как я родила Олесю, для меня не было ни одной приличной роли, а растрчивать свой талант на бездарные пьески я не согласна.

– Да тебе уже давно и таких ролей не предлагают, – опять подал голос Вовик.

Клеопатра Валентиновна обиженно засопела, но промолчала.

– И на что же вы жили все эти годы? – спросила я.

Севастьянова, не подумав, брякнула:

– На деньги, которые платил мне Милехин за то, чтобы я не виделась с Олесей.

– И как долго он платил? – неподдельно заинтересовалась я.

– Пока Олесе не исполнилось восемнадцать лет, – ответила горе-мамаша.

– А последние четыре года на что вы жили?

И тут до Клеопатры дошло, что она сболтнула лишнее. Она рассмеялась неестественным смехом и неожиданно предложила:

– Не хотите ли чаю?

– Спасибо, нет, – честно ответила я.

Вообще-то я бы не отказалась попить и даже поесть, но не делать же это в компании сомнительных людей, да еще на их территории!

– Так все же – где вы работали последние четыре года? – вернулась я к основной теме.

– Подрабатывала в разных местах, – раздраженно ответила женщина. – Сейчас существует тысяча способов заработать, надо лишь приложить ум.

– Олеся вам когда-нибудь рассказывала о своем парне по имени Елисей?

Клеопатра Валентиновна искренне удивилась:

– У нее был парень? Никогда бы не подумала! Чтобы Милехин уступил дочь другому мужчине?

– В каком смысле «уступил»? – нахмурилась я.

– Ну, вот так вот, – многозначительно играя глазами, уставилась Севастьянова на меня.

– Я не поняла, вы что, хотите сказать...

– Ходили разные слухи, – поджала губы Клеопатра Валентиновна.

– Какие слухи?

– Вы же понимаете, что точно я утверждать не могу – Олеся не делилась со мной. Но... Как-то раз обмолвилась, что спала с ним. Так, намеком...

– Дочь? С отцом? – поразила я, очень сомневаясь в достоверности этой информации.

– А что? Милехин – он такой, – Клеопатра Валентиновна все больше распалялась. – Для него нет ничего святого. Вы знаете, с кем он сейчас живет?

– С женой.

– С женой, – презрительно передразнила Клеопатра Валентиновна. – Со шлюхой он живет. Эта его нынешняя Кристина училась в одном классе с Олесей.

– Вот как? – не переставала удивляться я.

– Да, а вы что, думали, что Милехин – святой, а я – опустившаяся женщина? – с вызовом воскликнула хозяйка. – Он и раньше любовницу имел, она к нему от мужа бегала. Да и вообще, донжуан еще тот. А вы думаете?

Она смотрела на меня с вызовом, как будто я виновата в ее неудавшейся женской судьбе и нынешнем незавидном положении.

– Я ничего не думаю, просто пытаюсь разобраться, – спокойно ответила я.

– Вы, конечно, осуждаете меня?

– Я никого не осуждаю. Мне чужд оценочный подход, – заявила я.

– Это как? – попросила уточнить Севастьянова.

– А так – сыщик, равно как и психолог, не имеет право на осуждение или одобрение. Мне нужны факты, из которых я складываю потом картину происшедшего.

Клепа посмотрела на меня с недоверием.

– Так вы не можете утверждать, что между Олесей и ее отцом были такие же отношения, как и между вами? – Я решила на провокацию и обвела руками пространство, в котором находились хозяйка квартиры и Вовик. И увидела, как зарделись щеки неудавшейся актрисы.

– Моя личная жизнь – это мое дело, – пробормотала она в сторону.

– Никто и не спорит, – быстро парировала я. – Тем не менее я жду ответа на вопрос.

– Я не могу утверждать на сто процентов, – чеканя слова, ответила Севастьянова. – Но вы проверьте – там не все так чисто, как может показаться. Милехин – еще та птичка... Правда, Вовик?

Она потрепала своего альфонса за щеку. Тот отодвинулся и посмотрел на Клепу с укоризной.

– У вас есть фотография дочери? – спросила я.

– Где-то есть. Сейчас поищу.

Мне не нужна была фотография Олеси – у меня уже была та, что дал Алексей Привольнов. Мне нужно было, чтобы Севастьянова удалилась. Едва Клеопатра вышла из комнаты, я попросила Вовика:

– Будьте добры, принесите стакан воды.

Альфонс, помедлив и оглядев меня ставшим уже привычным масляным взором, вышел. А я мигом подлетела к серванту и, выхватив фотографию из-за стекла, сунула в сумочку, после чего снова села на место.

Когда молодой герой-любовник появился со стаканом воды в руке, я угрожающим тоном сказала:

– Слушай, Вовик, я сейчас уйду. А ты через пять минут найдешь предлог и выйдешь на улицу. Я буду тебя ждать. Если не выйдешь – пеняй на себя: упеку тебя в тюрьму.

Глаза Вовика от страха стали круглыми, как у ребенка.

– А что я такого сделал? – спросил он испуганно.

– Там узнаешь, – уклончиво ответила я.

Тут вернулась Клеопатра с фотографией в руках.

– Вот. Олеся подарила. Правда, здесь ей всего четырнадцать лет.

Я взяла в руки фотографию. На меня смотрела красивая светловолосая девочка с большими синими глазами. На обороте было написано: «Милой мамочке от Олеси. Люблю».

– Можно мне взять фотографию?

– Бога ради, – ответила Севастьянова.

Я убрала фотографию в сумочку, присовокупив ее к портрету странной парочки. Решив, что для первой беседы узнала предостаточно, поспешила уйти. Впрочем, я была уверена, что мне предстоит побеседовать с этими людьми еще, может быть, не один раз.

Я вышла на улицу и стала ждать, не сомневаясь, что Вовик явится: то, что совесть в нем нечиста, очевидно, и мои угрозы явно возымели действие. Теперь нужно лишь грамотно воспользоваться своим психологическим преимуществом.

Я не ошиблась: не прошло и трех минут, как Вовик вышел из подъезда. Он выглядел еще более испуганно и жалко, чем в квартире. Остановившись рядом со мной, он настороженно спросил:

– Чего вам от меня надо?

– Во-первых, скажи мне свое имя.

– Вова... Владимир Кутепов.

– И не стыдно тебе, Владимир, такому здоровому парню, находиться на содержании у женщины, да еще пожилой? – язвительно спросила я.

– Всяк живет как может, – небрежно ответил Вовик. – Я ее не просил. Она сама навязалась.

– Вот что, Кутепов, – сказала я. – Выбирай: или ты сейчас чистосердечно мне во всем признаешься, или я тебя арестую и устрою очную ставку со свидетелями.

– Да что я натворил-то? – испуганно закричал Вовик. – В чем мне признаваться-то?

– Свидетели утверждают, что осенью ты не давал прохода Олеся Милехиной, приставал к ней. Что тебе было от нее нужно?

Щеки Вовика порозовели:

– Она мне нравилась. Как женщина.

– А ты ей?

Кутепов смутился. В принципе он мог бы и не отвечать, поскольку ответ был достаточно очевиден.

– И что же, она тебя отшила?

– Ну, в общем, да, – Кутепов смотрел в асфальт и ковырял в нем ботинком.

– Ты что делал в тот момент, когда Олеся убили?

Владимир сразу поднял глаза.

– У меня полное алиби. Совершенное, – суетливо произнес он. – Мы были вместе с Клепой дома. Смотрели телевизор. Так что... Я абсолютно ни в чем не виноват. Да и зачем мне все это? Я совершенно не способен убить человека! Это совсем не в моем стиле!

– Скажи мне, пожалуйста, Вовик, на что же вы с Клепой жили последние четыре года? – вздохнув, спросила я.

– Не знаю. Я живу с ней всего год, – ответил Кутепов. – Это ее дело, где брать деньги. Я ничего не знаю. Может, у Олеськи.

– Это как? – удивилась я.

– Ну, она приходила к нам раз в месяц, тайком от отца, – зачем-то понизив голос, сказал Кутепов. – Они о чем-то шептались с Клепой, потом она пила чай и уходила. Может быть, оттуда и деньги.

– А почему Олеся приносила деньги?

– Да не знаю я, – отмахнулся Кутепов. – Клепа все равно вам ничего не скажет. Да и не имеет это значения. Посудите сами: если деньги были от Олеси, зачем нам убивать ее?

Я была вынуждена признать, что в данном случае Вовик прав: если по каким-то причинам Олеся помогала деньгами своей опустившейся матери, то убивать ее не было никакого резона.

– Ну ладно, – не сбавляя волевых ноток в голосе, сказала я. – А насчет Олеси и ее отца – это что, правда?

– Черт их знает, – пожал он плечами. – Думаете, мне есть до этого дело?

– Ну, тебе же нравилась Олеся...

– Ну и что? Я что, должен интересоваться, с кем она там еще спит, что ли?

– Ты аморальный тип, Кутепов, – вздохнула я.

– Вы же сами говорили про отсутствие оценочного подхода, – неожиданно взъелся он.

– Иногда прорывает, извини... Ладно, герой. На сегодня с тобой все. Иди с миром и грей постель своей прелестницы, – язвительно сказала я.

Кутепов обиженно посмотрел на меня и вошел в подъезд. А я, выругавшись в сердцах ему вслед, поспешила уехать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В машине меня застал звонок сотового. Я нажала кнопку приема и услышала голос Привольнова:

– Татьяна Александровна, добрый день. Как идет расследование?

– По плану, – ответила я, слегка раздражаясь по поводу того, что не успела начать, как заказчик уже требует какого-то отчета.

– Вы что-нибудь узнали? – не отставал настырный Алексей.

– Прошло слишком мало времени. А ты достал мне ключи от квартиры Олеси?

– Пока нет, но стараюсь.

– Поспеши, – почти приказала я, подумав, что, пожалуй, не исключен вариант, что мне придется воспользоваться отмычками. – И еще. Я думаю, что мне необходима встреча с главным заказчиком.

– С кем? – не понял Привольнов.

– С твоим шефом, Милехиным...

– Но он не хочет, – Алексей слегка замялся.

– А мне надо, – категорично заявила я. – В противном случае я вообще могу отказаться от расследования! Из-за того, что мне чинят препятствия и не предоставляют сведения в полном объеме!

Алексей повздыхал и наконец неохотно произнес:

– Ну, хорошо, попробую устроить.

– И еще. Мне необходима информация о самом Милехине, более подробная. Личная жизнь, бизнес и все прочее.

– Вы думаете, причины в этом? – с сомнением в голосе спросил Привольнов.

– Я пока ничего не думаю, а собираю информацию. Ты мне дал всего пять дней, я должна действовать быстро. Поэтому было бы лучше, если бы ты приехал ко мне прямо сейчас.

Я говорила быстро, с напором, достаточно жестко. Я уже поняла, что с мямлей Привольновым именно такой стиль общения наиболее целесообразен. Расчет оказался верным. Посопев и повздыхав, Привольнов проговорил в трубку:

– Хорошо, если вы настаиваете, буду через полчаса.

– Прекрасно, я тебя жду.

Я отключила связь и поехала домой, где смогла наконец-то полноценно пообедать. Трапеза моя была прервана через полчаса звонком в домофон. Еще через пару минут Алексей стоял на пороге. Я жестом пригласила его пройти, налила нам обоим кофе и сразу же начала разговор в деловом ключе:

– Во-первых, мне надо бы знать, кто являлся любовницей Милехина в прошлом. Во-вторых, кто его нынешняя супруга. Все это очень важно.

Привольнов чуть покраснел, но склонил голову в знак согласия с моими доводами.

– Милехин на протяжении четырнадцати лет состоял в любовной связи со школьной учительницей Маргаритой Андреевной Зеленцовой, от которой имеет внебрачного сына Никиту, девяносто восьмого года рождения. А в настоящее время Милехин состоит в законном браке с Воронковой Кристиной Алексеевной. Вот и все.

Я внутренне поаплодировала Привольнову. Видимо, он вообразил себя на судебном заседании, коли стал изъясняться в таком официально-юридическом стиле.

– Кто такая Зеленцова? Ты с ней знаком? – спросила я.

– Практически нет. Я не работал с шефом в тот момент, когда они жили вместе.

– Понятно. Ну а Кристина?

Привольнов пожал плечами.

– Тут все понятно – она меркантильная самолюбивая молодая красотка, – дал он ей исчерпывающую характеристику. – Она охмурила Милехина в то время, когда его дочь училась вместе с ней в одном классе.

– Они с Олесей были подругами?

– Да, насколько я знаю, – помедлив, ответил Привольнов. – Правда, потом, после того как Кристина вышла замуж за Милехина, Олеся стала к ней хуже относиться.

– Она была недовольна их браком?

– Ну, в общем, по-моему, да, – уклончиво ответил Алексей.

– А сама Кристина?

– Ей было все равно, главное – не потерять расположение Милехина. А с этим вроде бы сложилось.

– Он ее любит?

Привольнов нервно помял руками обшивку кресла.

– Любовь для таких людей, как Милехин, – это не то романтическое чувство, к которому все привыкли. Это скорее болезненное самолюбие, повышение своего имиджа. Кристина молодая и красивая. А внешние моменты для той среды, где вращается Милехин, – главное. Они заменяют там чувства, эмоции.

– Понятно, значит, это брак по взаимному расчету.

– Да, скорее всего, так, – подтвердил Привольнов мою характеристику отношений Милехина с женой.

– И именно поэтому мне нужно встретиться с обоими супругами. Кстати, у них есть алиби на то время, когда предположительно умерла Олеся?

– Вы что, их подозреваете? – удивился Привольнов.

– А что, по-твоему, они святее папы римского? – вспомнив слова Клеопатры, неожиданно с вызовом спросила я.

– Но...

– Никаких «но», – оборвала его я. – Меня наняли, я выполняю свою работу как могу. Я заинтересована в том, чтобы найти убийцу Олеси. Кстати, до конца я все же не уверена, что это было убийство. Тем не менее я буду продолжать расследование. И требую, чтобы ты устроил мне встречу с Милехиным и его Кристиной. На этом все. Аудиенция, пожалуй, подошла к концу.

– Можно идти? – тоном предупредительного подчиненного спросил Привольнов.

– Да. Иди, – разрешила я. – Ах да, посчитай алиби ты мне так и не сказал.

– Ну, Милехин был в отъезде, когда все случилось, – помедлив, ответил Привольнов. – А Кристина здесь. Не знаю, есть ли у нее твердое алиби.

– Ладно, спасибо, – сказала я. – Занимайся тем, что я тебе сказала. Завтра созвонимся утром. И про ключ не забудь.

И встала, приглашая Алексея последовать своему примеру. Он все понял и направился к выходу. Вид у меня был весьма решительный, а у него наоборот. Я чувствовала, что он хочет что-то сказать, но колеблется.

– Что у тебя еще? – спросила она. – Ты что-то хочешь сказать?

– Н-нет, – опустил голову Привольнов. – Ничего.

Я усмехнулась уголками губ. Вспомнила, как насупленно сидел подросток Леша в углу и читал какие-то книжки, прислушиваясь к разговорам старших, тогда, в девяностых. Сейчас он так похож на себя прежнего...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.